

НОВЫЕ КНИГИ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА

MORSTEIN-MARX R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. XIV, 313 p.

В последнее время в историографии – во многом благодаря работам Ф. Миллара¹ – повысился интерес к теме «римской демократии». Вокруг нее разгорелись ожесточенные споры, и если правильность концепции Миллара большинством ученых как минимум ставится под вопрос, то не приходится отрицать, что она стала поводом для серьезной и плодотворной дискуссии, в чем, пожалуй, ее главная ценность².

Именно к этой тематике обратился один из самых интересных американских исследователей, занимающихся историей Поздней республики, – Роберт Морстейн-Маркс, автор имевшей немалый резонанс книги «От гегемонии к империи»³. В центре его нового исследования оказались институт *contiones* и связанные с ним проблемы – роль этих собраний в политической жизни, характер произносившихся там речей, поведение аудитории и многое другое, что относится к понятию политической культуры.

Рассмотрев вкратце точки зрения на характер политической жизни в эпоху Поздней республики, Морстейн-Маркс отмечает, что в последнее время о *contio* пишут много, но детальное изучение этого феномена только начинается. Обычно отмечается роль сходов в выработке законов, но их значение не исчерпывалось только законодательной сферой. На сходах люди видели своих лидеров, а те постоянно стремились добиться поддержки народа, но речи, обращенные к нему, как, впрочем, и вся политическая система Рима, имели мало отношения к нуждам народа и лишь усиливали традиционный порядок.

Главным нашим источником являются в данном случае, естественно, речи Цицерона, которые, по мнению автора, не претерпевали серьезных изменений при обработке для публикации. Наиболее интересны парные речи, когда оратор говорил по одному и тому же вопросу и в курии, и перед народом, – об аграрном законе Рулла, Катилинарии, о возвращении из изгнания, Филиппики. Морстейн-Маркс также высоко оценивает описание сходов и произносившихся там речей у Саллюстия (с. 28–31).

«Городская *contio* может быть кратко охарактеризована как такая форма народного собрания, когда намеревались слушать речь (или речи), а не голосовать. Черта, которая принципиально отличала *contio*, или «публичную сходку» (*public meeting*), от других собраний народа в республиканском Риме, состояла в том, что *официально* (*formal*) она не обладала властью, и выражение ее воли не носило *официального* характера» (с. 34–35). Тем не менее сходки не являлись неформальными митингами и регулировались правилами и обычаями – их могли созывать магистраты не ниже квесторского ранга, но не в рыночные дни, *dies nefasti* и др., когда запрещалось голосовать, о роспуске их сообщал глашатай или служители и т.д. Если дело происходило перед голосованием, то *contio* могла тут же, хотя и после громоздкой процедуры, превратиться в собрание для подачи голосов (с. 38–41).

Обычно на сходах присутствовали городские жители, преимущественно те, кто жил недалеко от Форума. Явившиеся символизировали собою *populus Romanus*, но грань между символом и реальностью была размытой. Местом сходов, как правило, был Форум со всеми его памятниками, чаще всего Ростры, чему способствовало их центральное положение (правда, для митингов использовалось также, например, пространство у храма Кастора и Поллукса и даже места вне померия – цирк Фламиния, Марсово поле).

Речи ораторов были полны исторических аллюзий, имен героев минувших веков, причем примеры этого мы наблюдаем не только у Цицерона, но и у Саллюстия, излагающего речи трибунов на сходах. Отсылки к прошлому, по мнению Морстейн-Маркса, понимали даже

¹ Его концепция рассмотрена в ст.: *Смышляев А.Л.* Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (*По поводу концепции Ф. Миллара*) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60.

² См. *Смышляев А.Л., Одегова Е.А.* Проблема римской демократии в современной зарубежной историографии // *Античная история и классическая археология*. М., 2006. С. 74–75.

³ *Kallet-Marx R.M.* *Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C.* Berkeley–Los Angeles–Oxford, 1995.

простолюдины – Цицерон упоминает об их увлечении историей в его время (De fin. V. 52). Этому способствовала и обстановка на Форуме – своего рода музей римской истории, о которой напоминали храм Юпитера Статора, Курциево озеро, гробница Ромула, скульптурные изображения героев прошлого и многое другое. Это иногда прямо или косвенно использовали ораторы. Так, Цицерон (Phil. VI. 13) в 43 г.⁴ с возмущением указывал на статую Луция Антония, стоявшую рядом со статуей победителя герников консула 306 г. Кв. Марция Тремула, восклицая при этом: «O impudentiam incredibilem!» В 67 г. консул Гай Кальпурний Пизон говорил, что если Помпей, о полномочиях которого в войне против пиратов шла речь, хочет стать новым Ромулом, то он не избежит его судьбы – близость могилы первого царя Рима придавала весомости словам Пизона⁵.

Исторические аллюзии встречались не только в речах ораторов, но и на монетах. При этом одни магистраты, ответственные за чеканку, напоминали о победах предков, а другие – о заслугах перед народом, как, например, Кассий, один из которых стал автором удобного плебсус-lex tabellaria. При этом доходило до курьеза: так, на одной монете мы видим подозрительно подробную легенду «Г. Гипсей, консул, покорил Приверн» (RRC, 420), что является очевидной мистификацией. Но, так или иначе, монеты, по мнению автора, выполняли ту же коммуникативную роль, что и речи перед народом (mass oratory; с. 41–91, 95).

Памятники демонстрировали связь сената и народа, напоминали о славном прошлом Рима, а также о необходимости сохранить наследие предков, завоевавших мир. Нередко они оказывались в центре политических баталий. (Любопытно, что почетнейшим местом для статуй были Ростры – излюбленное место для проведения сходов.) В 91 г. имели место беспорядки из-за установки Бокхом на Капитолии статуй, изображавших выдачу Югурты Сулле⁶. В 65 г. толпа удивлялась восстановлению трофеев Марии (как считали, Цезарем), а сенат даже собрался для обсуждения этого инцидента. В 48 г. после битвы при Фарсале народ разбил установленные на Рострах статуи Суллы и Помпея. Интересна судьба храма Согласия: возведенный после подавления Опиимом «мятежа» Г. Гракха, он стал символом понимания concordia как результата насилия, примененного по приказу сената против «смутьянов», народ же увидел в этом насмешку над самой идеей согласия. Между тем patres, словно в закрепление «успеха», именно в этом храме собирались для решения вопроса о катилинариях. А столетие спустя они заседали в храме под тем же названием (но уже Тибериева времени) в связи с делом Сеяна – по иронии судьбы, это здание находилось недалеко от тюрьмы.

Если же вернуться к историческим аллюзиям, то обращает на себя внимание тот факт, что Цицерон в речах перед народом почтительно отзывался о Гракхах и Марии и, напротив, весьма нелицеприятно о Сулле. Вспоминая о совсем недавних событиях, Цицерон мог позволить себе сильные натяжки, например, заявляя слушателям, что именно с их помощью был подавлен заговор Катилины, – результат отождествления аудитории на сходке со всем populus Romanus. Цезарь идентифицировал себя с марианской «партией», а свою победу над Помпеем представлял как месть Сулле и его сторонникам, что свидетельствовало о коллективной (collective), или «социальной» (social), памяти, с которой приходилось считаться римским политикам.

Конечно, народ, присутствовавший на сходках, знал куда меньше, чем сенаторы, и потому оценивался Цицероном и людьми его круга как imperiti. Эмоциональные аргументы играли большую роль, чем рациональные, годившиеся скорее для сенаторской аудитории (причем народ видел самого оратора, а не его образ на экране, как сейчас). Но все же народ был осведомлен о политике зачастую больше, чем многие современные американцы (что уж говорить о гражданах России!) (с. 92–118).

Хотя формально contiones не обладали властью, их значение было весьма велико – не известно ни одного случая, чтобы законопроект, предварительное одобренный на сходках, не прошел затем в комициях. Отождествление конционной аудитории с populus Romanus было не просто формулой вежливости – при желании изъяснение слушателями своего отношения к тем или иным людям и вопросам можно было представить как волю народа (с. 124). Поэтому

⁴ Здесь и далее все даты – до новой эры.

⁵ Здесь впору вспомнить о хрестоматийном примере (его историчность в данном случае не имеет значения) – когда судили Манлия Капитолийского, он указывал на Капитолий, напоминая о его подвиге, и суд пришлось перенести в другое место, откуда холм не был виден.

⁶ Как представляется, Плутарх, наш единственный в данном случае источник, сильно сгустил краски при их описании (см. *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Сулла. М., 2007. С. 152; *Drummond A.* The Ban on Gentiles Holding the Same Priesthood and Sulla's Augurate // *Historia*. 2008. 57. 4. P. 400).

магистраты, не пользовавшиеся популярностью, предпочитали сходок не созывать, а те, кто это делал, стремились обеспечить явку своих сторонников, но даже и в этом случае успех не был гарантирован. Большое значение в таких условиях приобретало число участников *contio*. Если им платили, то оценка этого факта зависела от позиции говорящего – свои получали награду за труды и потерянное время, а чужие считались «наемниками». При этом, по-видимому, деньги давали прежде всего наиболее активным из своих сторонников, чтобы они заглушали криком остальных и побуждали колеблющихся присоединиться к ним. Наиболее эффективный механизм мобилизации приверженцев создал Клодий, который, однако, не был его изобретателем – он действовал через «боссов» «среднего» уровня (отметим здесь явную параллель с центурионами в римской армии). Высокую степень организации демонстрировали и противники Клодия – достаточно вспомнить о 20 тысячах человек со всей Италии, выступивших в поддержку Цицерона во время его изгнания.

Для влияния на аудиторию применялись самые различные методы – наводящие вопросы, потоки трескучих фраз (их образцом является IV филиппика), группы клакеров. Но народ, даже выражая определенное мнение, не был последователен и уж тем более не был един, что приводило иногда к двойственным результатам, чему яркий пример – ситуация во время Луперкалий, когда Антоний дважды увенчивал Цезаря диадемой. За выражение мнения народа вольно или невольно принимали молчание не готовых к мгновенной реакции людей или нестройные выкрики, которые можно было толковать как угодно.

Так были ли *contiones* инструментом демократии? Минимальным условием в данном случае, по мнению автора, является представление разных мнений. Предварительное обсуждение считалось обязательным, но реализация этого права находилась в руках магистрата, проводившего сходку. Именно от него зависел выбор ораторов и время, дававшееся им для выступлений. Казалось бы, о демократическом характере обсуждения говорит приглашение на сходки оппонентов. Но поскольку на них чаще всего господствовали сторонники устроителей *contio*, целью таких приглашений была отнюдь не честная дискуссия, а стремление сломить волю оппонентов, которые могли подвергнуться мощному давлению со стороны аудитории (причем следует помнить, что никакой полиции для поддержания порядка там не было). Но поединок на сходке был делом рискованным – достаточно вспомнить ответ Марка Скавра на обвинения в его адрес Квинта Вария и благосклонную реакцию народа на его слова⁷. Куда важнее, однако, то, что дискуссия в силу своего не слишком демократического характера (*non-debate*, по выражению автора) часто выходила за легальные рамки, кончаясь беспорядками и кровопролитием, примером чему стала судьба Тиберия Гракха, история принятия законов Цезаря в 59 г. и многие другие события.

Правда, есть примеры, казалось бы, доказывающие, что дебаты во время сходок могли вполне соответствовать «парламентским» стандартам – обсуждение *lex Gabinia* о предоставлении полномочий Помпею для борьбы с пиратами в 67 г., рогадия Требония в 55 г. по поводу провинций для Помпея и Красса. Но в первом случае Габиний предоставил слово ораторам оппозиции Катуту и Гортензию лишь в надежде на то, что после оказанного на них психологического давления (*silencing effect*) они поддержат его проект, – он просчитался, но его успеху это все равно не помешало. В 55 г. обсуждение проходило в день голосования и кончилось препровождением Катона в тюрьму по приказу Требония, который, правда, потом велел его отпустить.

В качестве примера демократического обсуждения, когда силой убеждения удалось предотвратить принятие предложенного закона, казалось бы, можно привести случай со Сципионом Эмилианом, сумевшим благодаря долгой и яркой речи «торпедировать» закон о переизбрании плебейских трибунов, а также дебаты в связи с аграрным законопроектом Сервилия Рулла. Однако в первом случае у нас слишком мало данных, чтобы выносить определенные суждения, а второй пример не совсем показателен ввиду неожиданной тактики, примененной Цицероном. Он выступил против Рулла в сенате и раскритиковал его за то, что трибун, устроив сходку своих людей, не пригласил на нее Марка Туллия (и это при том, что на ней последний оказался бы в весьма незавидном положении!). Затем он собрал *contio*, чтобы поблагодарить сограждан за избрание (стало быть, явившиеся благоволили ему), а затем внезапно обрушился с нападка на Сервилия. Третью речь Цицерон произнес еще на одной созванной им

⁷ «Варий из Сукрона утверждает, что Эмилий Скавр призывал к оружию союзников, а Скавр это отрицает. Кому вы больше поверите?» (*De vir. ill.* 72. 11; пер. В.С. Соколова). «Восхищенный народ заволновался и яростными криками заставил Вария отказаться от его безумного обвинения» (*Val. Max.* III. 7. 8).

contio, куда пригласил своих оппонентов, но они, естественно, не явились – так, впрочем, поступил и сам Марк Туллий, когда Рулл и его сторонники предложили ему, наконец, прийти на их собственную contio. Свою роль сыграл и выдающийся ораторский талант Цицерона.

Речи против законопроекта Рулла характерны во многих отношениях. Цицерон не посмел выступать против самого принципа раздачи земель нуждающимся – он-де лишь против методов, которые предлагали авторы *lex agraria*. Учитывая вкусы аудитории, он даже с похвалой отзывался о Гракхах, которых в речах в сенате и трактатах жестко критиковал⁸. Если в первой речи против закона Рулла, произнесенной в сенате, Цицерон не особенно оперировал правовыми аргументами и почти не цитировал положений проекта, то в речи на сходке (зная несведомленность публики) он делает это куда охотнее, выхватывая фрагменты их контекста и выискивая в них следы некоего таинственного заговора против Республики. При этом от дискуссии по существу вопроса оратор старается уклониться.

Таким образом, резюмирует Морстейн-Маркс, «...contiones накануне голосования по поводу законов обычно оказывались не собраниями для проведения дискуссий, а средством в руках авторов законопроектов для обеспечения общественной поддержки, подавления оппозиции и достижения успеха при обсуждении предлагавшихся мер» (с. 202).

Особое внимание уделяет автор тому, что он называет *contional ideology*, конкретно же – вопросу об оптиматах и популярах. Хотя о соответствующих «партиях» говорить не приходится, все же использование этих терминов оправданно, ибо они воплощают различные политические методы и идеологию. При этом обращает на себя внимание то, что даже оппоненты Тиберия Гракха не осмеливались в речах перед народом называть себя оптиматами, чьи цели отличаются от популярных. Удобнее было обвинять своих противников в лжепопулярстве, чем активно пользоваться Цицерон. В начале своей карьеры он выглядел как политик вполне популярского толка – *homo novus*, сторонник *lex Manilia*, защитник бывшего плебейского трибуна Гая Корнелия, но при этом его «оптиматская» позиция в 63 г. отнюдь не была «изменой» – ведь и после раскрытия заговора Катилины, когда он объявил народу о злодейских планах его сторонников в Риме, городской плебс превозносил его. В 60 г. Цицерон поддержал аграрный законопроект помпеянца Л. Флавия, хотя и постарался сделать его максимально умеренным. Неудивительно, что Цезарь ожидал от него поддержки своему земельному закону. И при этом оратор тоже не использовал на сходках слово «оптимат» и не прибегал к дихотомии «оптиматы – популяры». Как уже отмечалось, он критиковал Суллу (о котором неплохо отзывался как о политике в сочинениях для элиты), с похвалой говорил о Гракхах, Марии и других народных героях – даже Клодия в речи *De redivit suo ad populum* он не слишком задевал, чтобы не раздражать аудиторию.

Обращает на себя внимание мотив расхождения между словом и делом, между показными и истинными намерениями, о чем много говорили на сходках: Цицерон предупреждал, что под видом раздачи земли Рулл и его сторонники готовят народу тиранию, но и Макр у Саллюстия уверяет, что восстановление хлебных раздач имеет целью бросить народу кость, чтобы он не добивался большего. Сближает Цицерона и Макра также мотив осуждения *rauci* (первый говорит, что они стоят за спиной Рулла, второй – об их власти в государстве) и, конечно, лозунг защиты свободы. Расплывчатость последнего позволяла использовать его как оптиматам, так и популярам. Но если оптиматы понимали свободу в «негативном» смысле, как борьбу против попыток отдельных политиков добиться личного господства, то популяры делали акцент на защите гражданских прав (прежде всего *ius provocacionis*). Идея же царской власти была неприемлема для обеих трактовок – оптиматы обвиняли в стремлении к ней мятежных трибунов, а те говорили о власти олигархии как о «царской». Еще одной излюбленной идеей популяров была мысль о суверенитете народа, и эту концепцию охотно использовал Цицерон – сторонник главенства сената. Однако он больше говорил о единении сената и народа, обходя «острые углы». Наиболее яркий пример – речь «В защиту Рабирия», где он изображает расправу с Сатурнином как общее дело, подчеркивая среди прочего роль «народного героя» Мария.

Не все римские политики были столь осторожны – в 138 г. консул Сципион Назика, будущий организатор убийства Тиберия Гракха, во время волнений из-за нехватки хлеба бросил толпе, что ей следует успокоиться, ибо он лучше знает, что полезно для государства. Но этот политик, как известно, и не пользовался симпатиями народа. В целом же сохранялось идеологическое однообразие (*ideological monotony*). Речь шла не о том, кто «лучше» – оптиматы или

⁸ Аналогичная ситуация и с отзывами Цицерона о Марии (*Vretska K. Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955. S. 126–127*).

популярны, а кто является истинным популяром. Ни одна из сторон не предлагала заменить существующую политическую систему чем-то иным, критикуя не сами институты, а их действенность. В то же время и оптиматы периодически перехватывали инициативу у популярных: Друз предлагал основывать колонии для безземельных граждан (но подчеркивая, что это угодно сенату), а Катон инициировал увеличение расходов на хлеб для народа. В свою очередь, аудитории на сходках не были чужды призывы к сотрудничеству сената и народа, как и идея авторитета сената. При этом народ всерьез беспокоился о том, насколько искренни те, кто выдает себя за его друзей, – показательно в этом смысле разоблачение Цицероном Рулла, который в выступлении перед сенаторами предлагал с помощью своего аграрного закона «вычерпать» «лишнее» население, словно речь шла о нечистотах. Подобные факты говорят о том, что оратор на *contio* претендовал на репутацию человека, способного отличить истину от ее видимости, поскольку обладал доступом к информации, предназначенной для избранных. И в этих условиях особое значение приобретали не идеи и принципы, а личность политика. Именно на своей репутации сыграл Скавр, когда высмеял Вария в ответ на его обвинения. В свою очередь, трибуны-популярны обвиняли политиков оптиматов в том, что они, получив от народа *benefacta* в виде избрания на высшие должности, теперь платят ему неблагодарностью и обманывают его.

Оптиматов и популярных отличали не только идеологические акценты, но и манера речи. Говорить *populariter* для Цицерона означало не обращение к кругу известных идей, а рассчитанную на аудиторию *contio* определенную манеру речи, для которой характерны страстность, возбуждение, *invidia*. Театральности и агрессивности трибунов-популярных оптиматы (особенно из числа консуляров) противопоставляли спокойствие и чувство собственного достоинства (опять-таки вспоминается случай со Скавром). Впрочем, поскольку речь зачастую шла о риторической позе, а не о противостоянии идей, популярскую манеру, вошедшую в обиход с конца II в., в выступлениях перед народом охотно использовали и политики-оптиматы – показательно в этом смысле диатриба Л. Красса против всаднических судов, причем оратор воспользовался не только ораторской манерой, но и риторикой популярных, заявив, что готов быть рабом народа (если суды вернут во власть сенаторов!), но не всадников. Другой пример – речь Катуга против предоставления чрезвычайных полномочий Помпею, когда он среди прочего напомнил народу о сессии, к которой придется прибегнуть ради спасения свободы (еще один популярский «штамп»!). Но при всех уступках мнению народа господствовала на сходках элита, ибо ораторами там могли быть только «порядочные», которые *mutatis mutandis* навязывали народу свое видение обсуждавшихся вопросов, положения в государстве, его прошлого и т.д. В итоге «идеологическая функция выступлений на сходках отражала и постоянно оправдывала политическую гегемонию римской элиты и соответственно легитимировала республиканскую систему в целом» (с. 284).

В заключение автор указывает, что остается удивляться, как долго смогла продержаться Республика в условиях обрушившегося на нее кризиса. Несмотря на отдельные уступки со стороны элиты в рассматриваемое время «...для городского плебса делалось относительно мало хорошего, будь то его материальная поддержка или реформы политической системы, призванные сделать ее более чувствительной к давлению “снизу”». Возможно, важной причиной удивительной живучести республиканского режима была неспособность элиты и народа найти альтернативу Республике предков с ее патерналистской традицией гегемонии элиты и почтения народа к ней. Оно сохранялось до тех пор, пока народу казалось, что его интересы защищены. Этот интеллектуальный тупик был обусловлен эффективностью того, что автор называет *contional discourse*, который связывал граждан с их лидерами из senatorской среды (с. 279–287).

Монография Морстейн-Маркса представляет чрезвычайный интерес, заставляя по-новому взглянуть на многие стороны общественно-политической жизни позднереспубликанского Рима. Однако нельзя не отметить одного методологического недоразумения. Автор выясняет вопрос о том, насколько демократическим институтом была *contio*. Но следовало бы уточнить, о чем идет речь – о демократии как о народовластии или как о наборе определенных прав и свобод. Очевидно, что первое толкование было бы более уместным (именно в таком ракурсе рассматривает проблему Миллар). Да и вообще странно ставить вопрос о митинге как о месте для свободной дискуссии – не только в Риме, но и ныне. Есть в книге и некоторые мелкие недочеты. Так, на с. 96, описывая памятники Форума, Морстейн-Маркс упоминает статую Атта Навия, чья победа в споре с Тарквинием трактуется как «*fundamental Republican constraints... upon the exercise of power in Rome*». Однако при этом историк пишет о Тарквинии Гордом, тогда как речь должна идти о Тарквинии Древнем, – очевидно, в первом случае исто-

рия Атта Навия приобрела бы более прямолинейный и однозначный характер. Не слишком удачный пример приведен на с. 165 в связи с угрозами толпы по адресу неугодного ей лица – Sall. Iug. 34.1, где плебейский трибун Бебий запретил Югурте давать показания о подкупе им сенаторов, невзирая на возмущение толпы. Но, во-первых, Бебий пренебрег ее настроениями и сохранил запрет, а во-вторых, достоверность рассказа Саллюстия вызывает серьезные сомнения⁹. На с. 169 автор демонстрирует доверие словам Цицерона (не самого беспристрастного свидетеля!) о том, что Клодий растерялся на сходке – в отличие от Помпея, проявившего хладнокровие в той же ситуации. Однако такая трактовка вызывает большие сомнения, поскольку Клодий, судя по словам самого же Цицерона, устроил целый спектакль¹⁰. Нельзя не сказать и о серьезных стилистических недоработках – автор склонен к вычурности, многочисленным повторам, излишне громоздким конструкциям, что весьма затрудняет понимание текста.

Однако, несмотря на эти и другие слабые места, книга Р. Морстейн-Маркса займет почетное место среди новаторских трудов по истории общественно-политической жизни Рима конца Республики наряду с трудами Ф. Миллара, А. Якобсона, Г. Мауритсена.

KEAVENEY A. The Army of the Roman Revolution. London: Routledge (Taylor&Francis Group), 2007. X, 150 p.

Рецензируемая монография принадлежит перу английского исследователя Артура Кивни, известного трудами как по римской¹¹, так и по греческой истории¹². «Задача этой книги может быть определена кратко. Она состоит в исследовании той роли, которую сыграла римская армия в крушении Римской республики в последний век до н.э.» (с. 1).

Автор обращает внимание на 12-ю главу биографии Суллы у Плутарха, где говорится, что будущему диктатору пришлось прибегать к конфискации храмового имущества, чтобы насытить алчных воинов, которые, таким образом, *mutatis mutandis* диктовали свою волю полководцу. На деле же средства требовались для осады Афин. Кивни приводит также рассуждение Аппиана (BC. V. 17) о том, что командующих более не выбирали, а солдат не набирали установленным порядком, что воины считали себя помощниками, а не подчиненными своих начальников и т.д. Налицо сходство с пассажем Плутарха, но слова Аппиана относятся ко времени триумвиров, т.е. Плутарх, а вслед за ним и некоторые современные историки подчас описывают легенды периода гражданских войн не проводя необходимых различий и перенося реалии 40–30-х годов на 80-е (с. 5–6).

Впервые армия приняла участие в гражданских распрях лишь в 88 г., почти полвека спустя после начала римской смуты. Кивни отмечает, что Марий, вопреки распространенному мнению, не превратил римское войско в наемное. Число неимущих, принятых в армию арпинатом, было невелико, и вообще у нас нет данных, чтобы выяснить, какой была их доля в войске. К тому же набор *capite censi* в 107 г. не мешал и впоследствии рекрутировать солдат среди более зажиточных слоев. Наконец, незаметно, чтобы у неимущих были какие-то особые интересы и свое лоббистское ядро, а потому нет оснований считать, что они толкали армию к «революции» (с. 24–28).

Кивни отвергает теорию «клиентских» армий, когда, как считается, полководец становился патроном воинов, а они готовы были идти за ним даже против государства. Однако примеров таких армий немного (Помпей, Метелл Пий, Красс в 80-х годах), и были они скорее исключениями из правила: их набирали лишь в случае крайней опасности. В итоге «образ самодовольных патронов во главе огромных армий клиентов тает на глазах» (с. 30–33).

Начало политизации легионов, по мнению Кивни, следует связывать не с Марием, как нередко считается, а с Суллой, которого автор сравнивает с Тиберием Гракхом, поскольку и

⁹ Возможно, Бебий запретил Югурте не давать показания, а произносить речь в свою защиту (*Parker V.L. Romae omnia venalia esse. Sallust's Development of a Thesis and the Prehistory of the Jugurthine War // Historia. 2004. 53. 4. P. 420*).

¹⁰ Клодий «среди этого крика спрашивал своих: “Кто обрекает народ на голодную смерть?” Шайка отвечала: “Помпей”. “Кто жаждет отправиться в Александрию?” Отвечали: “Помпей» и т.д. (*Cic. Ad Q. fr. II. 3. 2*; пер. В.О. Горенштейна; см. также с. 134 книги).

¹¹ *Keaveney A. Sulla. The Last Republican. London–Canberra, 1982; idem. Rome and the Unification of Italy. L., 1987; idem. Lucullus. A Life. L., 1992.*

¹² *Keaveney A. The Life and Journey of Athenian Statesman Themistocles (524–460 B.C.?) as a Refugee in Persia. Lewiston (NY), 2003.*

тот, и другой прибегали к радикальным мерам (суждение спорное, ибо первыми пролили кровь все-таки противники Тиберия). В 88 г. Сулла «показал, что командующий может выйти к воинам с серьезными вопросами внутривойска и убедить их помочь ему в разрешении таковых силою оружия» (с. 42). Но воины оказались помощниками ему не только на поле боя, сумев также убедить в своей правоте солдат противной стороны, как то имело место в случае с переманиванием армий Фимбрии и Сципиона, причем роль подкупа со стороны Суллы автором минимизируется, зато она охотно признается, когда речь заходит об аналогичных действиях Цинны, что не может не вызывать возражений. Очевидно, что подкупить целую армию нереально, а вот центурионов – вполне возможно, что следовало бы оговорить хотя бы в порядке гипотезы (с. 37–41).

Кивни проводит сравнение Суллы и Цезаря: от одного в 88 г. ушли все офицеры «штаба», кроме Лукулла, а другого покинул только Лабий. В то же время надо различать Суллу 88 и 83 г. – в первом случае за ним шла лишь армия, а во втором он выступал как глава политической коалиции и признанный лидер сената¹³. К тому же, в отличие от Цезаря, в обоих случаях он выступал с намерением провести серьезное переустройство Республики, что едва ли можно приписать Цезарю (с. 30, 46–47).

Особо указывает Кивни на рост политического значения армии в эпоху триумвиров: воины предотвратили разгоравшуюся распрю между Антонием и Октавианом, настояли на скорейшей войне с убийцами Цезаря, повлияли на заключение соглашения в Брундиции, выступая тем самым не только в качестве боевой силы, но и заправских политиков, дипломатов и даже сватов, – ради примирения между наследниками покойного диктатора они предлагали, чтобы Октавиан женился на Клавдии, дочери Фульвии, супруги Антония (с. 47–54).

Немалое внимание уделяет Кивни земельному вопросу. По его мнению, Тиберий Грахх не преувеличивал, когда говорил о сокращении численности крестьянства, а данные археологии, которые выдвигаются теперь в доказательство обратного, можно интерпретировать по-разному (с. 17–22). При этом требования земли выдвигались полководцами, а не самими воинами (=гражданами), которые в мирное время, как и в армии, лишь реагировали на те или иные законопроекты, а не инициировали их. При этом сама реакция в случае неудачного исхода отнюдь не была насильственной – они воспринимали это спокойно. Но полководцы начали добиваться своего и наделять ветеранов землей, игнорируя волю сената, и первым в этом ряду стал Сулла (Марий, стало быть, из числа таких военачальников исключается – думается, не вполне правомерно). Создавая такие поселения, он ставил далеко идущие задачи – наказание врагов, подвергавшихся конфискациям; восстановление городской жизни в наиболее пострадавших районах Италии; защита сулланского порядка. Цезарь же при выведении колоний исходил из более традиционных представлений; при этом он, декларируя отказ от сулланской насильственной практики, все же прибегал подчас и к конфискациям, и к принудительному выкупу земли. Но настоящими наследниками Суллы, оказались, конечно, триумвиры. Октавиану приходилось игнорировать недовольство населения Италии и руководствоваться требованиями армии, но зато он сумел обеспечить ее лояльность. Не все воины спешили «осесть» на землю – из-за утраты навыков крестьянствования, из-за укоренившейся привычки к армейской жизни, из-за большей ее доходности. Но это не значит, что одних солдат интересовала земля, а других, как иногда считается, лишь деньги – просто воинов, ожидавших земли охватывало еще и желание «живых» денег (с. 57–66).

Автор показывает, как изменялись отношения между полководцами и воинами в ходе гражданских войн. Если Сулла был полновластным хозяином армии, который мог уговаривать воинов, но не шел у них на поводу, то Цезарь уже столкнулся с бунтами солдат, требовавших обещанных наград. При триумвирах войско и вовсе диктует волю командирам, не только требуя земли, но и вмешиваясь в порядок раздач и, самое главное, навязывая полководцам политическую линию. Осознание армией своей силы и безнаказанности проявилось в частых бунтах и переходах на сторону противной стороны, практически всегда нуждавшейся в воинах (дошло, как известно, до приема в армию множества рабов). Однако при перемене фронта, отмечает автор, солдаты все равно считали себя связанными *sacramentum* по отношению к новому командующему и в целом соблюдали дисциплину. Любопытны суждения Кивни о характере присяги. Она приносилась не Риму – это означало бы клятву верности римлянам самим се-

¹³ Последнее вызывает возражения, поскольку сенат, в сущности, не поддерживал ни одну из воюющих сторон и по необходимости склонился на сторону Суллы лишь после того, как тот начал побеждать (см.: *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Сулла. М., 2007. С. 264–265, 270, 409, прим. 103 и др.).

бе, что абсурдно, – а конкретному полководцу, но даже в условиях гражданской войны его личность не вытесняла в их сознании государство, представителем которого он оставался. Если же вернуться к бунтам и переходам на сторону врага, которые впервые распространяются в Союзническую и первую гражданскую войны, то таковые, как и своеволие армии, достигли пика в 44–36 гг. и пошли на спад после разгрома Секста Помпея и выхода Лепида из политической борьбы, когда сама возможность для перехода из одного лагеря в другой резко сузилась. Итогом стало постепенное возрождение дисциплины. Хотелось бы отметить в суждениях Кивни некоторое противоречие: он пишет, что враждующие стороны нуждались в войнах, но и указывает на отсутствие сведений о том, чтобы с помощью численного превосходства выигрывались сражения (с. 90). Думается, не стоит сводить дело только к битвам – это влияло на всю стратегию. Сомнительно, например, что Сулла решился бы вообще начать войну в Италии даже после двухлетней подготовки, не оставив в Азии крупных сил, состоявших из принявших его сторону фимбрианских легионов. И именно ограниченность ресурсов, как представляется, заставляла его действовать очень осторожно в начале италийской кампании 83 г. – лишь после перехода на его сторону армии Сципиона он позволил себе в Италии войну «на широкую ногу», включая грабежи и поджоги (Vell. Pat. II. 25. 1; App. BC. I. 86. 389).

Завершает Кивни исследование следующим суждением. Армии дважды предложили вмешаться во внутреннюю политику, в 80-х и в 40–30-х гг. Результаты этого вмешательства оказались различными. В первом случае возникла возможность спасения республики, во втором же она оказалась уничтожена (с. 99). Думается, однако, что речь скорее должна идти об этапах одного процесса, который и не мог завершиться иначе как установлением принципата.

Нельзя не признать чрезвычайно плодотворными многие наблюдения и выводы Кивни (пусть даже они не всегда оригинальны, но все же отнюдь еще не стали общим местом). Не может не вызывать одобрения и основной импульс его книги, призывающей к пересмотру разного рода *loci communes*, как старых, так и новых, в процессе чего только и возможен настоящий творческий процесс. Тем не менее хотелось бы указать на некоторые неточности в работе. На с. 39 мы читаем о Квинте Флавии Фимбрии, который, как известно, звался Гаем; на с. 42 говорится о разгроме Лепида Помпеем, хотя на деле Лепида разбил Катул; на с. 79 Кивни рассуждает о мятеже в армии Помпея Страбона, хотя давно уже высказывались сомнения в том, что это был именно мятеж; следовало хотя бы упомянуть доводы весьма авторитетных оппонентов – Э. Бэдиана, Р. Сигера¹⁴, – а не ограничиваться лишь глухой ссылкой на них (с. 132, прим. 95). Однако, как принято говорить в таких случаях, эти недостатки отнюдь не умаляют достоинств книги, которая, несомненно, привлечет внимание специалистов по истории римского общества эпохи Поздней республики.

ЛАПЫРЁНОК Р.В. *Consensus omnium bonorum*. Общественные противоречия в позднеереспубликанском Риме в зеркале политической терминологии. Иркутск: ГОУ ВПО Иркутский государственный университет, 2007. 106 с.; **LAPYRJONOK R.W.** *Consensus omnium bonorum. Untersuchungen zur politischen Terminologie der späten römischen Republik*. Bonn: Habelt-Verlag, 2008. 80 S.

Заявленная в названии вышедшей на русском и немецком языках монографии тема не раз уже привлекала внимание исследователей, но, как показывает рассмотренная выше монография Р. Морстейн-Маркса, ее рано считать закрытой. Каков же взгляд на проблему отечественного ученого?

Работа открывается обстоятельным разбором огромной литературы вопроса, с которой автор знаком достаточно хорошо. Затем он переходит к анализу терминов *optimates* и *populares* у Цицерона (с. 29–50, S. 25–36)¹⁵. Отмечается, что в его ранних речах эти слова не встречаются, сулланцев же оратор обозначал как *nobilitas* и *nobiles*, а о марианцах вообще высказывался крайне неопределенно – например, как о людях, «которые считались врагами». Упо-

¹⁴ К ним можно добавить также Б.Р. Каца: *Katz B.R. The Siege of Rome in 87 B.C.* // *CPh.* 1976. 71. P. 332–333.

¹⁵ Первая ссылка дается на русское, вторая – на немецкое издание.

мянутые же термины впервые употребляются Цицероном, как можно полагать, около 64 г. Но вместе они стали появляться в его произведениях лишь в середине 50-х годов. До этого времени в речах оратор использовал лишь термин *populares*; впервые как определение политика оно появляется в первой речи против закона Рулла. В речах же «Об ответах гаруспиков» и «В защиту Сестия» мы уже видим прямое противопоставление обоих понятий. Оптиматы для Цицерона «не только представители нобилитета, или сенаторского сословия, а более многочисленная и разношерстная группа людей, которая противостоит массе людей, обозначаемой часто... как *multitudo* и *plebescula*». Кроме того, оптиматы – «это римские собственники из различных слоев общества». Популяры же – «политики, которые провоцируют плебс на выступление против правящего режима и используют его поддержку для осуществления своих целей» (с. 42–43; S. 30–32, 61–63). Вожди популяров, по Цицерону, стали врагами сената не из-за преданности народу, а из-за обид, нанесенных им представителями римской знати. Проанализировав обстоятельства употребления терминов «оптиматы» и «популяры», автор приходит к заслуживающему внимания выводу: «Не вполне корректно использовать [понятия] *optimates* и *populares* для анализа событий политической истории Рима, предшествовавших заговору Катилины и последовавших за убийством П. Клодия» (с. 50; более осторожно – S. 36).

Автор указывает, что «в произведениях оппозиционных режиму нобилитета авторов» (Цезаря, Саллюстия) понятия *optimates* и *populares* не встречаются в силу своего идеологического содержания, «а их место занимают *factio* и *pars, partes*» (с. 51; S. 37). Саллюстий также пишет о противостоянии знати (*nobilitas, nobiles*) народу (*plebs*). Цицерон же в свою очередь практически не использует понятие *factio*, ибо оно имело негативный смысл и, видимо, служило «синонимом для той политической группировки нобилитета, интересы которой он защищал» (с. 53; S. 38).

Что касается писателей эпохи принципата, то Ливий использовал понятие «оптиматы» уже при описании событий 449 г. Так он называл и противников Лициния Столона и Секстия Латерана, и даже группировку в Вейях. Естественно, так именуются недруги Тиберия Гракха (в периодях). Особенно часто этот термин встречается в рассказе о событиях гражданской войны 88–82 гг., где так обозначаются сторонники Суллы. Любопытно наблюдение автора, что слово *factio*, в отличие от писателей эпохи Республики, Ливий использует только для характеристики врагов нобилитета¹⁶. В рассказе же о гражданской войне 49–44 гг. (правильнее, очевидно, 49–45) об оптиматах и популярах речи уже нет. Но в любом случае, видимо, именно благодаря Цицерону и Ливию термины *optimates* и *populares* стали общеупотребительными. Первый из них стал синонимом *nobilitas*, причем Веллей Патеркул различал оптиматов и сенат (т.е. тем самым не отождествляя сенат и нобилитет). Термин «популяры» у него не встречается, а об оптиматах он упоминал, как и Ливий, преимущественно при описании гражданской войны 88–82 гг. Флор же вообще этих понятий не использовал, следуя традиции Саллюстия, а не Ливия, которого обычно считают его главным источником (с. 55–57; S. 39–42).

Автор не оставляет в стороне и греческих писателей – Плутарха, Аппиана, Диона Кассия. По мнению Лапырёнка, *οἱ ἀριστοί* у Плутарха означает *optimates*. Враги Гракхов названы «богачами» (*οἱ πλούσιοι*) – подразумеваются нобилитет и всадники, а сторонники – просто «народом» (*οἱ δῆμος*). Встречаются у него при описании гражданских смут понятия *οἱ ὀλιγαρχικοί*, *οἱ πρῶτοι*, *οἱ δυνατοί*. Сходная ситуация и у Аппиана. Дион Кассий пишет о противоборствующих группировках как *οἱ δυνατοί*, *ἡ βούλη*, *οἱ πλούσιοι* – *τὸ πλῆθος*, а также по именам их руководителей: *τὰ τοῦ Σύλλου*, *τὰ τοῦ Καίσαρος* (с. 58–60; S. 42–46).

Далее Лапырёнок переходит к анализу одного из самых ярких эпизодов в противостоянии «оптиматов» и «популяров» – политической деятельности П. Клодия в 63–56 гг. Он указывает, что Клодий имел политические контакты с Цезарем и Крассом, которые помогли ему избежать осуждения на процессе по делу о святотатстве на празднике *Vona Dea*. Не исключено это и в отношении Помпея. По мнению автора, конфликт будущего трибуна с Лукуллом был обусловлен невниманием полководца к финансовым интересам Клодия – брата его жены. Не исключена «возможность существования у П. Клодия планов относительно Помпея».

Став при поддержке триумвиров, видевших в нем перспективного политика, плебейским трибуном, Клодий провел хлебный закон, почти полностью лишил цензоров возможности проводить чистку сената, добился изгнания Цицерона и удаления Катона Младшего. Укрепив

¹⁶ Аналогичным образом Евтропий пишет о марианских проскрипциях (sic), умалчивая о сулланских (*Hinard F. Les proscriptions de la Rome républicaine. Roma, 1985. P. 31*).

свои позиции в среде *plebs urbana*, чье влияние на политическую жизнь Рима подчеркивается особо, и выполнив обязательства перед триумвирами, Клодий возмнил себя самостоятельной фигурой в политике. В итоге он стал неудобен теперь уже не только для сенатской верхушки, но и для своих бывших покровителей – дошло до инсценировки покушения на Помпея. И если прежние успехи трибуна были обусловлены *disidium optimatium* (так называется первая часть соответствующей главы), то теперь, как и в 63 г., произошло временное объединение сил оптиматов. Триумвиры и сенат пошли на взаимные уступки. Зримым воплощением *concordia ordinum restituta* (так называется вторая часть главы) стало возвращение Цицерона из изгнания.

В заключение автор пишет, что «деятельность П. Клодия возродила коалицию оптиматов, образовавшуюся, согласно Цицерону, в период борьбы против Катилины», и на некоторое время отсрочила гражданскую войну. С гибелью «смутьяна» сенат попытался модернизировать государственный строй с помощью законодательства Помпея 52 г., а оппозиции получила «шанс избавиться от господства нобилитета» (с. 62–84; S. 49–63; в немецком издании утверждение относительно шансов оппозиции отсутствует).

Монография Р.В. Лапырёнка представляет несомненный интерес для исследователей позднереспубликанского Рима. Особо следует отметить ценность наблюдений над источниками в отношении используемой общественно-политической терминологии.

Нельзя не указать некоторые недочеты в работе с историографией. Так, будучи в принципе знаком с работами Б.П. Селецкого, автор, однако, не реагирует на его гипотезу о том, что термин «оптиматы» появился еще во времена Катона Старшего и обозначал богатых и влиятельных граждан, а Цицерон попытался придать ему более широкий смысл¹⁷. То же можно и сказать и о статье Е.В. Смыкова, который показывает, как мало оснований предполагать сотрудничество между Клодием и Помпеем¹⁸. А.Б. Егорову приписывается представление о Марии как о вожде всадников (с. 41, прим. 191), тогда как этот автор, напротив, *возражает* против такой трактовки¹⁹.

Можно поспорить и с некоторыми утверждениями автора. На с. 33 он пишет, что Сулла уничтожил людей, которые (как ему казалось и как было на самом деле) представляли угрозу республике. Столь ответственное заявление следовало бы аргументировать. Саллюстий назван «одним из самых достоверных римских историков», чьи произведения «по жанру напоминают скорее современные научные монографии, чем историческую прозу того времени» (с. 51–52). Между тем очевидно, что достоверность не относится к числу достоинств Саллюстия, который допускал нарушение хронологии, умолчания, противоречивые трактовки и многое другое ради достижения художественного эффекта и утверждения своих идей²⁰ и был интересным и глубоким писателем, но никак не автором «научных монографий». (В немецком издании пассажи о врагах Суллы как врагах республики и о достоверности трудов Саллюстия сняты.) А уж к Плутарху определение «историк» подходит еще менее (с. 58; S. 43). Наконец, требует серьезной аргументации цитированный выше тезис, будто движение Клодия отсрочило гражданскую войну – ведь полномочия Цезаря все равно заканчивались лишь в 49 г., а именно этот вопрос стал поводом к *bellum civile*.

А.В. Короленков

¹⁷ Селецкий Б.П. Термин «*optimates*» в его первоначальном значении в «Переписке» Цицерона // ВДИ. 1979. №4. С. 117–126.

¹⁸ Смыков Е.В. Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // Античный мир и археология. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 59.

¹⁹ Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 54.

²⁰ См. их краткую, но репрезентативную сводку в новейшей работе: *Schmal S. Sallust. Hildesheim–Zürich–New York, 2001. S. 44–47, 74–76.*